

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ?

Автор: А. А. БЫСТРОВ

БЫСТРОВ Андрей Анатольевич - кандидат культурологии, психолог ООО "Металл-Трейд" (г. Саратов).

С 1 января 2007 г. вступил в силу закон о материнском капитале. Но предпринимаемые правительством меры по стимулированию деторождения могут показаться несколько непоследовательными. С одной стороны, государство нисколько не препятствует распространению идеологии малодетности, с другой - показывает свою заинтересованность в многодетности и даже готово платить за нее. Индексируемую сумму в размере 250 тыс. рублей, предоставляемую женщинам, родившим второго и последующего детей, можно будет расходовать после достижения ребенком трех лет и только по целевому назначению: на приобретение жилья с помощью ипотеки и других схем кредитования, на оплату образования и на увеличение будущей пенсии самой матери.

Такой парадокс легко объясним: заинтересованность в многодетности, по нашему мнению является всего лишь показной. Хорошо известно, что подобные меры по стимулированию деторождения, предпринимаемые различными государствами, не способны изменить индикатор детности в сознании, и численность коренного населения как уменьшалась, так и продолжает уменьшаться. Непродолжительный эффект увеличения рождаемости создает только видимость улучшения демографической ситуации, поскольку обусловлен сдвигом в календаре рождений и, в частности, сокращением интервалов между рождением первых и вторых детей. О сколько-нибудь существенном изменении итоговой рождаемости поколений говорить не приходится [1, с. 42 - 43]. Уместно привести и мнение британского демографа М. Саттеруэйт, высказанное за 3 месяца до вступления в силу закона о материнском капитале: "Меры вроде единовременных постановлений правительства по стимулированию рождаемости подвигнут женщин, откладывавших рождение одного или двоих детей по причинам финансовой неустroенности, завести их уже завтра, но это вряд ли как-то отразится на конечном количестве детей ими рожденных" [2, с. 84].

Никто не сомневается в организующей силе денег. Именно из-за денег люди выполняют ту работу, которую по своей воле никто делать не будет. Но в данном случае материальный стимул явно недостаточен, и выделяемые деньги не увеличивают ценность самого ребенка. *Во-первых*, нельзя забывать, что в условиях рынка увеличение числа заинтересованных людей, имеющих деньги для покупки жилья, немедленно вызывает рост цен на жилье. Сколько же квадратных метров можно будет приобрести на указанную сумму с учетом индексации через три года? Хорошо, если большинство семей, участвующих в акции, смогут на эти деньги увеличить свой метраж на одну детскую комнату. Возможно особенно заманчивым такое нововведение покажется жителям сельских районов, где жилье стоит значительно дешевле. Но там и заработки значительно ниже. А это значит, что сельским семьям "отрывать от себя" для того, чтобы поднять еще одного ребенка, придется значительно больше, чем городским. *Во-вторых*, совершенно ясно, что возможность оплатить образование детей не увеличивает для родителей ценность самого ребенка, но только раздувает ценность образования. *В-третьих*, только, на первый взгляд, введенный закон открывает великолепную перспективу участвующей в акции матери получать в старости достойную пенсию. Но до пенсии нужно еще дожить, а за это время все материнские накопления могут попросту обесцениться.

Наконец, важно понимать принципиальную ошибочность решения проблемы малодетности с помощью материальной поддержки семьи и матери, на чем настаивают, например, И. В. Лаврентьева, А. М. Илшнев [3] и многие другие, поскольку в противостоянии *семья - государство* торговля неуместна: семье всегда будет мало, и государ-

ство не сможет до бесконечности удовлетворять ее растущие запросы. Следует согласиться с СВ. Захаровым в том, что "активность государства должна быть направлена на то, чтобы как можно меньшая доля населения в своей жизнедеятельности опиралась на искусственные "подпорки" в виде пособий и льгот" [1, с. 45]. Таким образом, есть все основания полагать, что новая демографическая политика несколько не изменит нормы детности в нашем обществе. По мнению М. Саттеруэйт, в этом нет ничего страшного: "Финансово-экономические меры ни в коем случае не являются вредными или бесполезными. Просто они достигнут своей цели лишь в отношении очень узкой категории общества, вряд ли существенно изменив общую тенденцию, так как в основе последней лежат несколько другие причины и закономерности, которые сегодня все так же остаются практически без внимания" [2, с. 87].

Однако одно обстоятельство не позволяет автору разделить оптимизм британского демографа. Возникающая в результате подобных действий государства демографическая волна затем в течение многих лет дестабилизирует общественные процессы. В какой-то год вдруг оказывается, что не хватает детских садов, поэтому возводят новые. Затем внезапно следует резкий спад притока детей, и воспитатели остаются без работы. С такой же проблемой нерационального использования человеческих ресурсов по очереди сталкиваются школы, вузы, армия. И получается, что вреда от такой демографической политики гораздо больше, чем пользы. А если учесть, что сегодня в активных детородных возрастах (20 - 29 лет) находится относительно многочисленное поколение женщин, родившихся в середине 1980-х [4], то спровоцированные государством сдвиги в календаре рождений обернутся через несколько лет еще более крупным, чем это было в начале 1990-х, обвалом рождаемости.

Причем те народы, у которых норма детности традиционно высока, по максимуму воспользуются всеми преимуществами новых законов. Напрашивается аналогия с демографической историей Франции, где совокупные масштабы материальной поддержки матерей сопоставимы с последними мерами по стимулированию рождаемости в России. В. Э. Багдасарян, указывая на то, что восприимчивыми к материальному стимулированию во Франции оказались отнюдь не этнические французы, а выходцы из Северной Африки, репродуктивная ориентированность которых была и так достаточно высокой, предупреждает, что "и в России основными адресатами государственной поддержки матерей станут, прежде всего, представительницы национальных меньшинств" [5, с. 18].

Это значит, что процент государствообразующего русского населения значительно сократится. А, с другой стороны, сокращение в республиках Российской Федерации числа и доли русского населения будет способствовать усилению в них национально-сепаратистских движений. Этнические изменения очень быстро, как показывает пример Косово, могут закончиться государственно-административными и политическими переменами. При таком развитии событий уже во второй половине XXI века Россия "развалится на части и сойдет как держава с исторической арены" [6, с. 97].

Поэтому невнимательность британского демографа к описанным последствиям финансово-экономических мер, предпринимаемых государством в демографической области, и оптимизм в отношении их абсолютной безвредности и даже полезности, вполне понятны. Ведь проблемы нашей национальной безопасности британских граждан, мягко говоря, не касаются. Так же понятно, почему данные проблемы не заботят отечественных демографов, мыслящих глобально и уверенных, как, например, А. Г. Вишневский и Е. М. Андреев, что "с точки зрения самосохранения человеческой цивилизации было бы намного лучше, если бы мировая демографическая эволюция перешла в новую стадию, характеризующуюся *сокращением* численности мирового населения". Ведь "объективная логика глобального выживания важнее эгоистической логики, отражающей интересы отдельных стран" [7, с. 29]. Неудивительно, что путь повышения рождаемости до нужного уровня А. Г. Вишневский считает "тупиковым". И потому в борьбе с депопуляцией "остается только приток населения извне" [8, с. 92 - 93].

Но есть среди ученых и другие точки зрения на проводимую сегодня государством демографическую политику. Так, например, А. И. Антонов, рассматривая обозначенные в президентском послании меры, как первый шаг в организации системной деятельности по исправлению демографической ситуации в стране, считает: "Главным в активизации демографической политики является второй этап, когда ставится абсолютно новая и исторически беспрецедентная цель повышения интенсивности рождае-

мости, и тем самым вводятся в действие меры усиления потребности семьи в 3 - 4 детях, способствующие широкому распространению среднететной семьи" [9].

По мысли А. И. Антонова, именно на этом этапе целесообразно создать между наукой демографией и министерствами, отвечающими за эффективность демографических мер, промежуточное звено - центры демографической технологии, создаваемые в регионах и на федеральном уровне, в которых на основе научных достижений разрабатываются проекты демографического развития России и субъектов Российской Федерации. Подобные проекты совпадают по смыслу с нормативными или технологическими прогнозами и позволяют объединить научное обоснование демографической политики с демографическим конструированием популяционной реальности.

Но если мы ограничимся только первым этапом политики, предупреждает ученый, то в 2007 - 2010 гг. произойдет аккумуляция вторых рождений, и дополнительные меры реализации потребности во втором ребенке в лучшем случае повысят на 5 - 7% долю вторых рождений, так и не исчерпав до конца потенциал двухдетной потребности населения. Затем вступление в репродуктивный период суженных брачных когорт 1990-х годов рождения приведет к структурному сокращению рождаемости после 2011 г., которое будет продолжаться до 2020 г. И, кроме того, на эту тенденцию наложится депопуляционный тренд дальнейшего ослабления потребности семьи в детях. Прекрасно понимая, таким образом, всю серьезность существующего положения, А. И. Антонов делает вывод: "Посему поворот в демографической политике к пронатализму неминуем, и уже сейчас можно и нужно настаивать на скорейшей активизации стимулирования среднететной семьи".

Однако неминуемость такого поворота очевидна далеко не для всех. Как не вспомнить тезис И. Я. Медведевой о том, что "решение максимально сократить население России принято на самом высоком уровне" [10, с. 150] и является одним из условий предоставления нашей стране кредитов МВФ и Всемирного банка. И А. И. Антонов с течением времени утратил былой оптимизм в отношении скорой победы пронатализма [11]. Мы же, полностью соглашаясь с его высказыванием, что материнский капитал и другие выплаты не решат проблему сокращения населения РФ, подчеркнем, во-первых, бесполезность законов, призванных стимулировать рождаемость, но принципиально неспособных изменить норму детности в массовом сознании, и, во-вторых, их вредность ввиду дестабилизирующего эффекта раскачивания динамики деторождения. По мнению ученого, "только одна цель ведет к повышению рождаемости - рост потребности семьи в детях до уровня 3 - 4 детей". Но "опыта такого рода не было в нашей стране и нет нигде в мире" [9]. О том же, но более конкретно, писал и В. А. Борисов (1933 - 2005): "Сегодня ученые уже знают, на что должна быть направлена демографическая политика. На повышение экономической полезности детей для семьи, чтобы иметь третьего, четвертого ребенка стало выгодно. Но как этого добиться? Ответа нет. Разработка социально-демографических механизмов "полезности детей" в нашей стране еще даже не начиналась" [12, с. 7].

Трудность решения проблемы, по мнению исследователя, обусловлена тем, что причины переоценки морально-этических норм и отмирания вековых традиций многодетности носят глобальный характер: "С развитием индустриальной цивилизации дети потеряли свою полезность для семьи. В аграрных обществах они выполняли важные социальные функции. Они были работниками, защитниками, наследниками, кормильцами родителей в старости. Теперь эти функции перешли к социальным институтам - армии, пенсионным фондам и т.д. Удар по рождаемости нанесло и общественное производство. Оно делает семью излишней [...] Для удовлетворения психологической потребности семьи в потомстве оказалось достаточно иметь одного ребенка" [12, с. 5].

Между тем, такое противопоставление "аграрных обществ" и "индустриальной цивилизации" в объяснении причин массовой малодетности у сторонника теории институционального кризиса семьи В. А. Борисова несколько не противоречит "эволюционизму" его идейного противника А. Г. Вишневого, считающего урбанизацию главным фактором сокращения рождаемости [8, с. 91]. Но легко показать ошибочность такой идеализированной картины прошлого. И в аграрных обществах родители далеко не всегда были заинтересованы в своих собственных детях. Например, в деревенской семье православной Руси рождение ребенка чаще воспринималось как добавление еще одного рта, еще одного едока к семейному столу, нежели как рождение помощника и наследника. Именно отсюда ненадлежащий уход за детьми и даже уморение новорожденных голодом. Вот как, например, описывал Л. Н. Толстой историю появления на свет главной героини романа "Воскресение": "Маслова была дочь

незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне у двух сестер - барышень помещиц. Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и, *как это обыкновенно делается по деревням* [курсив наш - А. Б.], ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося ненужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода. Так умерло пять детей. Всех их крестили, потом не кормили, и они умирали..." [13, с. 9].

Уже одного такого свидетельства достаточно, чтобы говорить о принципиальном несоответствии уровня рождаемости норме детности в дореволюционной России. Но, кроме того, подтверждением относительно невысокой нормы детности в массовом сознании служит народный эпос. Вспомним пословицы и поговорки, отражающие желаемое количество детей в семье: "Один сын - Богу, второй - государству, а третий - родителям". "Один сын не сын, два сына - полсына, три сына - сын" [14, с. 241]. А также народные сказки: "Было у царя три сына...". Или три дочери.

Также легко видеть и ошибочность утверждения, что индустриализация и урбанизация как таковые являются причиной того, что "дети потеряли свою полезность для семьи". Например, У. Гуд, анализируя зависимость детей от родителей в Европе XVIII - начала XIX веков [15], отмечал, что подростки, хотя и работали на фабриках, по большей части вовлекались в профессиональную деятельность родителями и часто находились под непосредственным присмотром отцов. А традиции тех лет предписывали, чтобы они отдавали свой заработок родителям. Другими словами, есть существенное отличие между индустриализацией и урбанизацией как социальными процессами и процессом эмансипации детей от родителей, поддерживаемым и направляемым государственной политикой. И именно эмансипация является той "настоящей, глубинной" причиной социально-экономической незаинтересованности нынешних потенциальных родителей в рождении даже одного ребенка.

В социальной области эмансипация проявляется в привилегированном положении ребенка: с одной стороны, родители ответственны перед государством за воспитание детей, они обязаны заботиться о них; с другой, - родители не могут рассчитывать на поддержку государства в том смысле, что государство даже не вменяет детям в обязанность подчиняться родителям. Например, в Семейном кодексе - документе, регулирующем отношения между детьми и родителями, у воспитываемых одни права и нет ни одной обязанности.

В экономической области эмансипация порождает ситуацию, что дети вырастают и не только навсегда вылетают как птицы из родного гнезда, но уже совершенно ничего не должны своим родителям. Поэтому инвестировать в деторождение стало неприбыльно: в детей приходится значительно больше вкладывать, нежели получать. Инвестиции в детей основаны исключительно на альтруизме и благотворительности. И, кстати, еще не факт, что это доброе дело не останется безнаказанным со стороны взрослых, но неблагодарных детей. Каким бы хорошим родителем человек ни был, сколько бы детей он ни имел, в будущем он не застрахован от одинокой старости.

Следствием представленных социально-экономических причин является преобладание железной логики: "нет человека - нет проблем" в репродуктивных установках эмансипированных родителей. Бесполезность лечения симптомов демографической болезни очевидна. Только устранив причину, можно разблокировать основанную на инстинкте собственности и власти мотивацию человека к размножению.

И сделать это может только государство, упорядочив жизнь семьи в настоящем и дав потенциальным родителям другую перспективу в будущем. С одной стороны, на смену равноправию и анархическому сожительству супругов, родителей и детей, скрытой борьбе за роль лидера должна прийти идеология иерархичной семьи, предполагающая регламентацию прав и ответственности главы семьи. Совсем необязательно, чтобы это был именно мужчина или именно женщина. Но если глава семьи - мужчина, то его супруга должна быть лишена возможности при разводе забрать детей с собой. И наоборот. С другой стороны, инвестиции в детей должны быть выгодны родителям и не основаны на одной благотворительности. По мнению автора, 20% от дохода гражданина ежемесячно в пользу главы вырастившей его семьи способны кардинально изменить отношение к деторождению и воспитанию потомства.

Обозначенная, таким образом, модель экономической полезности детей для семьи является одним из возможных вариантов расширенного воспроизводства населения. Однако в условиях, когда стартовым капиталом для создания своей маленькой "империи" обладает в лучшем случае пятая часть населения страны, введение подобных мер

не исправит ситуации, к тому же демографические процессы чрезвычайно инерционны. Более того, такие нововведения, распая социальную рознь, могут привести даже к социальным катаклизмам. И, кроме того, необходимо учесть противодействие всемирных организаций, ратующих за снижение рождаемости и использующих равноправие как метод подрыва биологической силы народа.

На Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г. была принята Программа действий, в которой были сформулированы фундаментальные принципы деятельности в области народонаселения и развития. И одним из положений, непосредственно касающихся семьи, условий ее формирования и развития, являлось следующее: "брак должен заключаться по свободному согласию вступающих в него супругов, и муж, и жена должны быть равноправными партнерами" [16, с. 7]. А в июне 1999 г. в Нью-Йорке на 21-й Специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по проблемам народонаселения было заявлено: "Россия полностью привержена духу и целям Каирской конференции. Следуя установкам Каира, правительство целенаправленно проводит свою политику в области народонаселения. Коренным образом скорректированы государственные подходы к решению демографических проблем" [10, с. 150].

Поэтому заслуживает особого внимания теоретический опыт по вопросу воспроизводства населения, накопленный при социализме, и, прежде всего, концепция академика С. Г. Струмилина "от колыбели до аттестата зрелости" (1961). Эта последовательная разработка тезиса классиков марксизма о замене домашнего воспитания общественным получила в свое время широкую известность [17, с. 137; 18, с. 11]. Соответствующий ему вариант расширенного воспроизводства населения можно обозначить как государственный патронаж. Поскольку сам факт деторождения напрямую не связан с материальным достатком отдельной семьи, то для достижения демографической цели оказывается достаточным одного инстинкта полового влечения и неестественности контрацепции. По мнению автора, именно демографический потенциал концепции С. Г. Струмилина стал причиной того, что она так и не была реализована на практике.

Через некоторое время были скомпрометированы не только идеи С. Г. Струмилина, но и сама идея общественного или, как говорил А. И. Герцен, публичного воспитания. Так, например, В. Н. Турченко (1978), полностью соглашаясь с тем, что в случае полной передачи воспитания подрастающего поколения специализированным государственным учреждениям общие педагогические результаты были бы гораздо лучше, писал: "...В таком случае были бы устранены многие отрицательные факторы: влияние на детей "неблагополучных" семей, случайных уличных компаний и т.п., а положительные воздействия школы и дошкольных учреждений были более согласованными и, следовательно, эффективными". Но, по мнению исследователя, "плюсы такого решения проблемы далеко не перекрыли бы минусы, связанные с изоляцией детей от семьи". "Если родителей полностью освободить от воспитательных функций, передав их педагогам-профессионалам, - писал В. Н. Турченко, - то и старшие, и младшие окажутся крайне духовно обедненными" [19, с. 35].

Однако, никакой "изоляции детей от семьи" концепция Струмилина вовсе не предполагала. Напротив, отвечая на вопрос: "Не будет ли такой ранний отрыв детей от семьи слишком тяжким испытанием и для родительских чувств, и для малышей, столь чутких к нежной материнской ласке?", он пояснял, что общественная организация воспитания детей вовсе не ставит своей задачей такого отрыва. С. Г. Струмилин считал возможным организовать ясли и детсад "в каждом доме, под одной крышей со взрослыми, но в отдельных детских помещениях, со специальным обслуживающим их штатом, и на полном иждивении государства, также и в школах-интернатах" [20, с. 435]. И, кроме того, ученый указывал на важность широкого привлечения к обслуживанию детворы в первую голову самих матерей и ласковых бабушек, "располагающих достаточным для этого досугом и естественным влечением к малым детям вообще и сугубой лаской к тем из них, кто особо в ней нуждается" [20, с. 436].

Несмотря на это, видные советские ученые упорно продолжали компрометировать идею общественного воспитания детей. Так, например, И. В. Бестужев-Лада (1986) говоря о том, что "долгое время некоторым казалось, что [...] в идеальном будущем [...] люди будут предаваться "свободной любви" [...], а детей будет воспитывать государство, общество в специальных дошкольных и школьных учреждениях", восклицал: "Производить на свет ребенка только для того, чтобы сдать его в детский сад, школу-интернат, чтобы сознательно лишить себя счастья отцовства и материнства, чтобы

встретиться через несколько лет с чужим, не тобою воспитанным и не питающим к тебе родственных чувств человеком, - это [...] противоестественно..." [21, с. 244]. С. В. Ковалев (1987) писал: "Специальные исследования психологов и педагогов убедительно доказали: ни одно воспитательное учреждение не может дать детям того, что дает нормальная семейная атмосфера, общение ребенка с отцом и матерью" [22, с. 8]. Наконец, ту же самую мысль подчеркивал и А. Г. Харчев (1990): "Было установлено, что дошкольные детские учреждения, оказывая обществу большую посильную им помощь в уходе за детьми и их воспитании, не могут конкурировать с хорошей, нравственно здоровой семьей в главном: в эффективности развития интеллектуальных и эмоциональных способностей ребенка" [23, с. 122]. Тем не менее, сегодня в связи с крайне неблагоприятной демографической ситуацией фундаментальные идеи концепции С. Г. Струмилина вновь привлекают к себе интерес.

Итак, нам удалось обозначить два варианта расширенного воспроизводства населения - "экономической полезности детей для семьи" и "государственного патроната". Представленные модели не являются взаимоисключающими. Для их совмещения достаточно, чтобы назначенный процент заработка гражданина взыскивался либо в пользу главы семьи, если, будучи несовершеннолетним, он получал воспитание в семье, либо в пользу государства, если находился под опекой государства, либо делился между семьей и государством в зависимости от доли участия в воспитательном процессе. Такая комбинация вариантов обладает не меньшим демографическим потенциалом, чем модель "государственного патроната", но в отличие от нее более мягко увязывает интересы богатых и бедных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захаров С. В.* Перспективы изменения модели рождаемости//Народонаселение. 2004. N 3. С. 37^5.
2. *Саттеруэйт М.* Россия, застрявшая в переходе: [Демографическая ситуация в России] // Эксперт. 2006. N 35. С. 82 - 87.
3. *Лаврентьева И. В., Ильишев А. М.* Включение репродуктивного труда в экономику как средство преодоления демографического кризиса // Народонаселение. 2003. N 1. С. 50 - 59.
4. *Рыбаковский Л. Л.* Депопуляция - угроза выживанию народов России // Народонаселение. 2003. N 3. С. 66 - 76.
5. *Багдасарян В.* "Русский демографический крест" через призму факторного анализа // Власть. 2006. N9. С. 16 - 23.
6. *Козлов В.* Летальная демография // Молодая гвардия. 2000. N 7 - 8. С. 91 - 98.
7. *Вишневский А., Андреев Е.* Население России в первой половине нового века // Вопросы экономики. 2001. N 1. С. 27-44.
8. *Вишневский А.* С раскосыми глазами: [интервью с директором Центра демографии и экологии Института народнохоз. прогнозирования РАН] / Вишневский А., [беседовала] Наталья Архангельская // Эксперт. 2005. N 10. С. 90 - 96.
9. *Антонов А. И.* О соответствии мер и средств демографической политики ее долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Демографические исследования. 2006. N 4. http://demograph-ia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=416
10. *Медведева И. Я.* Демографическая война против России // Север. 2004. N 3/4. С. 145 - 152.
11. *Антонов А. И.* Самое сложное в улучшении демографической ситуации - изменить убеждения людей // Национальные проекты. 2007. N4(11). <http://rus-reform.ru/magazine/archive/1/topic/10000283>
12. *Борисов В.* Парадокс обратной связи // Социальная защита. 2003. N 12. С. 3 - 7.
13. *Толстой Л. Н.* Воскресение. Роман. М.: "Современник", 1977. 460 с.
14. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988. 431с.
15. *Good W.* Family disorganisation//Contemporary Social Problems. N. Y., 1961.
16. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 5 - 13 сентября 1994 г.). ООН, 1994.80 с.
17. *Вишневский А. Г.* Семья без подпорок // Экономика и организация промышленного производства. 1989. N8. С. 133 - 142.
18. *Нечаева А. М.* Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М., 1991. 238 с.
19. *Турченко В. Н.* Общественное воспитание сегодня и завтра. М., 1978. 48 с.
20. *Струмилин С. Г.* Наш мир через 20 лет // Струмилин С. Г. Избранные произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1965.465 с.
21. *Бестужев-Лада И. В.* Мир нашего завтра. М.: Мысль, 1986.
22. *Ковалев С. В.* Психология семейных отношений. М.: Педагогика, 1987. 159 с.
23. *Харчев А. Г.* Социология воспитания (о некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности). М.: Политиздат, 1990. 220 с.